

Татьяна Гармаш-Роффе Е.Б.Ж.

Автор благодарит сайт <http://it2b.ru/> за предоставленные материалы по конкурентной разведке; а также Евгения Ющука, члена Международного общества профессионалов конкурентной разведки SCIP, автора книги «Конкурентная разведка», — за консультации.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

...В воздухе неуловимо пахло весной. Она любила гулять в этот предвечерний час, когда фонари призрачны в сиянии заката. В такие минуты, на стыке дня и ночи, ей отчего-то становилось радостно и немного тревожно.

Казалось, что все впереди...

Хотя, что может быть впереди, когда все ее желания уже исполнились?..

Сегодня ей выпал особый подарок: приползла неуклюжая серая туча, и из нее повалились огромные белые хлопья, покрывая уличный шум своим беззвучием. Фонари светились, словно через кисею, и Вике казалось, что сейчас нежно вступит оркестр, заиграет увертюру, кружевной занавес разомкнется, и за ним обнаружится новая, иная, восхитительная жизнь...

А потом она стояла в прихожей, и мех ее шубки был мокрым от снега и от слез.

...Теперь уже не вспомнить, почему они застыли в прихожей. Кажется, она удивилась, что муж оказался дома так рано. А он ответил, что пришел специально, чтобы поговорить о важном. И она потребовала сказать «важное» немедленно.

Немедленно!!!

...Огненное атомное облако накрыло ее с головой: волосы горели, кожа плавилась, и радиация иссушила костный мозг. Она стала обугленным трупом за первые полчаса разговора.

А он старался быть непринужденным, ее ободрял:

— Это не конец жизни, Вика, ты найдешь себе другого мужчину, ты красивая и молодая, тебе

всего тридцать пять, а я для тебя уже стар, я не соответствую тебе... Ну, не плачь, Вика, я оставлю тебе деньги, переведу на тебя все имущество в Москве, не плачь! Сейчас в тебе говорит задетое самолюбие, а на самом деле не так уж ты меня любила, чтоб убиваться теперь... Ты это поймешь скоро сама, вот увидишь!

— Что в ней такого, чего нет у меня?!

— Ничего.

— Но ты уходишь от меня — к ней!!! Она красивее?

— Нет.

— Моложе?

— Старше. Вик, давай ты успокоишься, и мы тогда поговорим.

— Так чем же она тогда лучше меня, чем?!!

...Они почему-то так и стояли в прихожей, — теперь уже не вспомнить почему.

Она рыдала, она била его кулачками в грудь, прикикала к нему с солеными поцелуями в надежде ощутить привычный отклик его тела... Все напрасно. Насильно усадив ее на кухне, он занял табурет по другую сторону стола — *стола переговоров* — и объяснил все до странности обычными словами:

— Мне с ней легче. Проще. Я виноват перед тобой, не надо было мне жениться на столь

молодой женщине... Я устал тебе соответствовать, Вика, просто устал! Мне пятьдесят четыре, я много работал, я многого добился, я старался быть тебе хорошим мужем и любовником, но я устал, Вика... И хочу отдохнуть. Учитывая, что моложе я уже не стану, то вряд ли это желание переменится.

— А я?! Ты отдыхать, а я как же?!

Они так давно были женаты, что Вика теперь не понимала, как можно существовать без него, без Миши. Он все знал и умел. А она — ничего. Комнатный капризный цветок, живущий в изнеженном климате его опеки. И теперь какая-то сила распахнула окна на мороз, ледяной ветер мгновенно выдул парниковый воздух, и она дрожала, отчаянно ловя последние, утекающие, тонюсенькие струйки тепла... Она была уверена, что не выживет, умрет.

— Вика, перестань драматизировать. У тебя будут деньги, а это самое главное. Неужто ты не знаешь, как в магазин съездить за продуктами? Или за шмотками? Не глупи, ты прекрасно справишься без меня, ты уже большая девочка...

— Ты ее любишь?.. — спросила она с тоской.

— Да.

Новый приступ слез лишил ее возможности говорить, а он ждал, терпеливо и даже сочувственно переживал этот приступ, и краем сознания Вика оценила его жест: в иные времена

Миша уже бы давно хлопнул дверью. Он не выносил ее слез.

— И что, ты хочешь *развестись со мной* ?!

— Видишь ли... Дженнифер американка. Мы хотим купить дом в Калифорнии и наслаждаться там покоем и нашей любовью. Для этого мы должны пожениться, и без развода с тобой не обойтись. Не беспокойся, тебе ничего не придется делать, я сам все оформлю!

И, запеленговав подступающий очередной приступ плача, проговорил с напористой жизнерадостностью:

— Ты не страдаешь финансово, Вика, не волнуйся, я обо всем позабочусь!!!

Но как мог он позаботиться, уехав на другой континент?! И разве проблемы бывают только финансовыми?!

Сразу, словно в знак протеста, захандрила машина, ее красавица «Лагуна». Вика знала, куда обращаться: они с Мишей ездили на двух машинах в этот автосервис, когда требовалось пройти техосмотр. Она даже знала там некоего Жору, к которому кое-как и доползла на закапризничавшей «лагунке».

Жора покопался в машине, и по его простодушно-хитрому лицу Вика обреченно поняла, что он ее надует. Но, поскольку она не

имела ни малейшего понятия, в чем состояла реальная причина неисправности, ей пришлось заплатить, не перечая, восемьсот сорок шесть долларов: работа, плюс замена деталей, плюс надбавка за срочность.

Жора любил некруглые цифры — считал, что они вызывают больше доверия, — и при этом никогда не брал «на чай». Он был немелочен, Жора. Да и к чему мелочиться, когда из восьмисот с чем-то долларов семьсот и так были ему и на чай, и на пиво, и на прочие земные блага?

Домой Вике предстояло возвращаться без машины, оставшейся в автосервисе до завтра. Но как? На метро? Она совершенно забыла, когда ездила в метро последний раз. Оно пугало ее. Ей почему-то казалось, что она непременно упадет на эскалаторе. Что она свалится с платформы на рельсы. Что ее прищемят двери вагона.

Такси, однако, на горизонте не наблюдалось. Вика решила взять извозчика, выбросила руку вперед. Первыми притормозили такие непотребные «Жигули», что она отказалась в них садиться. Во второй машине, «Волге», имелось два усатых и смуглых лица, что окончательно расхолодило ее намерение прибегнуть к услугам частного извоза.

Отважившись, она направилась к метро, непривычно цокая каблучками об асфальт,

почему-то оказавшийся слишком твердым, — и едва не подвернула ногу на первой же выбоине. М-да, это вам не выпархивать из машины прямо перед нужной дверью...

Дальше она шла, опустив очи долу, тщательно переступая и обходя каждую трещину и дыру в тротуаре, а было их великое множество...

В метро все прошло, по счастью, благополучно: она не скатилась с эскалатора, не упала на рельсы, и ее не прищемило дверью. Но вот зато по прибытии на станцию «Сокол» она пошла не к тому выходу, была вынуждена вернуться, снова пройти подземный коридор, подняться по лестнице и...

И здесь каблук сломался. Не выдержал такого издевательства. Вика, чуть не плача, разглядывала зажатый в руке каблук и решительно не знала, что ей делать. Прохожие смотрели насмешливо, лишь изредка попадались сочувственные взгляды.

А чего, собственно, она хочет от них? Не понесут же ее на руках до дома?!

Делать было нечего. Припадая на одну ногу, она потащила в сторону дома. Недалеко от ворот ограды, окружавшей ее высотку, она увидела бомжей, расположившихся на газоне за мусорными баками: двоих мужчин и одну женщину. Она их видела не раз, из окна своей золотистой, как

стрекозка, «лагуночки». Это зрелище всегда отзывалось в ней состраданием, и она обычно проезжала побыстрее, не глядя на них: ничем не помочь, только сопли разводить...

Но сейчас она шла пешком, медленно, слишком медленно, припадая на бескаблучную ногу, и краем глаза оценила ситуацию. Теперь, в начале лета, она не казалась столь критически сострадательной. На газете перед бомжами находилась какая-то еда, и они ели, весьма оживленно разговаривая и посмеиваясь. Казалось, они чувствовали себя совершенно комфортно, словно устроили пикник.

Вика чуть внимательнее посмотрела на них, и вдруг до нее дошло, отчего бомжи так веселы: они потешались над ней!

Она вдруг разозлилась. Развернувшись к ним всем корпусом, и, выставив руку с зажатым в ней каблуком, крикнула с вызовом:

— Что, у вас каблуки никогда не ломались, да?!

...Большой глупости и придумать было нельзя! Ну какие у бомжей каблуки, помилуйте?! Они, конечно же, покатались со смеху. Женщина так просто завалилась на спину. Один мужчина ухватился за живот; второй, бородатый, с наглой усмешкой уставился ей прямо в глаза.

Вика, полная негодования, гордо похромала

дальше. В спину ей уперся голос:

— Мамзель, если хошь, за десятку донесу тебя до дома!

Она скосила глаза. Голос принадлежал мужчине, заросшему чуть не до глаз черной бородой, которого она немедленно окрестила Лешим. У него были подозрительно веселые, бесшабашные глаза. Наверное, уже уговорил бутылку с какой-нибудь бормотухой, и теперь ему и море по колено.

Вика отвернулась. Только еще услуг бомжа не хватало!

Уже в своей квартире, в безопасности, в чудесной защищенности от внешнего неприветливого мира, в квартире, где шкаф битком набит обувью любой конфигурации для всех случаев жизни, в том числе и на низком каблуке, который не рискует отвалиться от соприкосновения с грубым московским асфальтом, — вот там, упавши на шелковое покрывало кровати, она разрыдалась. Жизнь унижала ее. Ее, предательски оставленную мужем, брошенную на произвол жестокой судьбы, без его ежесекундной опеки!

Глава 2

Впрочем, на следующий день жизнь показалась не такой уж и страшной. Вика даже

ухитрилась, надев подходящие для такого мероприятия туфли, вполне благополучно доехать до автосервиса на метро. Забрав свою «лагуночку», она с удовольствием опустилась на комфортное водительское кресло и почувствовала себя почти счастливой.

Однако вскоре она допустила новую оплошность. Домашние запасы поистощились, и она отправилась в полюбившийся ей «Ашан» на Ленинградке. Накупив уйму всяких нужных и ненужных продуктов и вещей, она, нисколько не задумавшись, перегрузила пакеты из тележки супермаркета в багажник. И лишь подъехав к дому, вдруг озадачилась: а как же из багажника донести все это до лифта? А из лифта — в квартиру? Ведь пакетов много! И они тя-же-лы-е!!!

Хлопнув крышкой багажника, столь опрометчиво забитого покупками, она уселась в машину и задумалась. Допустим, она понесет тяжелые пакеты сама. Но как быть: оставить машину открытой, напротив подъезда, пока она не перетащит партиями все сумки? Или закрывать ее каждый раз? Значит, поставить сумки на землю, на грязный асфальт, захлопнуть багажник, щелкнуть замком, потом снова взять сумки и принести их, испачканные, домой?.. Потом опять спуститься, и все сначала?! Кроме того, она надолго перекроет таким образом проезжую часть перед домом и

рискует собрать за своей машиной раздраженный хвост соседей...

Она кляла себя за неосмотрительность, за привычку покупать с Мишей сразу и помногу: все эти упаковки воды, с газом и без газа, молоко, соки, овощи, мясо... Без Миши-то она ест как птичка. На кой же черт она столько накупила?

Промучилась Вика без малого двадцать минут в раздумьях: нельзя ли попросить кого из соседей ей помочь? И, придя к неутешительному выводу, что это неудобно, она снова завела свою «лагуночку». Выкатив за ворота, она встала вровень с помойкой. Бомжи были на месте.

— Эй! — позвала она в окно. — Эй!

Они разом глянули на нее. Сегодня их было только двое — двое мужчин. Вика уперлась глазами в Лешего.

— Заработать хотите? Мне нужна небольшая помощь...

Леший посмотрел на нее удивленно, но глаза его смеялись. Над ней — кто бы сомневался!

Она сразу же пожалела о своей инициативе. Но Леший уже поднялся и лениво направился к ее машине.

— Ну? Че надо сделать?

— Сумки... — пробормотала она. — Донести надо...

— Сколько?

— Сумок? Я не считала...

— Рублей.

— Не знаю... Сто пойдет?

Леший кивнул, и Вика, проклиная все на свете, показала ему жестом: мол, садитесь в машину.

Но он отказался. Наверное, в нем все же была некоторая деликатность. Вика с ужасом представила, что сейчас этот грязный, дурно пахнущий человек плюхнется из-за ее глупости на соседнее сиденье...

Но он не плюхнулся. Он сказал, что дойдет до ее подъезда пешком.

Остальная часть этой затеи закончилась вполне благополучно: Леший в три приема перенес все упаковки и пакеты к двери ее квартиры, пока Вика дежурила у открытой «лагуночки», и, получив свои сто рублей, кивнул лохматой головой да был таков.

Как ни странно, но жизнь вскоре наладилась. Вика стала предусмотрительнее, непомерных закупок больше не делала, лишь еще раз воспользовалась помощью Лешего, но потом окончательно научилась покупать только необходимое и только посильными для ее нежной мускулатуры партиями.

Что ж, в конечном итоге муж не обманул ее.

Более того, он оказался прав: видимо, не так уж она его и любила, как ей казалось... Месяца через два обида отпустила ее, а через три она уже вовсю наслаждалась жизнью. Она была молода и богата и главное — свободна!

Теперь мужчины, издавна крутившиеся в орбите Мишиной бизнес-планеты, стали смотреть на нее иначе. Их взгляды приобрели откровенный аппетит, речи — шампанскую игривость, а поведение — почти рыцарскую учтивость. Все дружно выражали готовность помочь решить проблемы и скрасить одиночество. Приглашения разного рода — от интимного ужина при свечах до крупного корпоративного праздника — сыпались, как из ящика Пандоры. Вика даже не подозревала, что так нравится всем этим давно знакомым мужчинам! При Мише они никогда не выказывали своего интереса... Ну, это понятно, в общем-то.

Что ж, тем лучше! Вернулись забытые ощущения двадцатилетней поры: бравурный парад восхищенных поклонников в ожидании ее благосклонного знака, и она, как принцесса на троне, капризно выбирает, кому из них стать счастливымчиком, который не замедлит упасть к ее ногам в немом экстазе благодарности за то, что избран.

Впрочем, она вполне неплохо понимала, что ее эйфория вызвана комплексом неполноценности,

который посеял в ней развод. Ее променяли на другую!!! Женское самолюбие было уязвлено, и Вике сейчас требовались массивированные доказательства ее женских чар, способности обольщать, сводить с ума...

И она их имела в избытке.

Но эйфория закончилась быстро. Вика с удивлением обнаружила, что отнюдь не возраст делает человека мудрее, а только исключительно опыт. В свои тридцать пять она имела опыт отношений с мужчинами на уровне двадцатилетней девочки, по той простой причине, что с выходом замуж опыт сей был законсервирован.

Отчего до нее дошло не сразу, но все же дошло: восхищенные поклонники куда больше интересовались ее роскошными апартаментами и прочими материальными благами, чем милым личиком и стройной фигуркой. Не говоря уж о сокровищах ее души, даже она не была столь наивна, чтобы поверить в мужской интерес к такой несексуальной категории, как душа.

Нормальные же мужики отчего-то оказывались либо неудачниками, либо женатиками. На эти две категории ее нейроны и эрогенные зоны не отзывались. Замужество как статус ее не волновало, а романтическая любовь... Пока не получилось.

Ну и ладно. Вика ничуть не приуныла: оказавшись на свободе, она слишком бурно прожила череду скороспелых романов. Она их переела.

Посему, дав отставку поклонникам, она на некоторое время отказалась от выходов, предавшись блаженно-ленивому затворничеству. Это было совершенно новое, неизведанное удовольствие: *одиночество*. Конечно, Вика понимала: прелесть его заключалась в том, что оно *временное*, и по одному ее звонку найдутся люди, которые будут счастливы провести с ней вечер... Но пока она наслаждалась. У нее никогда еще не было в жизни настоящей возможности побыть с собой наедине: из родительского дома попала сразу в мужнин. И надо признать, что собственное общество Вике очень понравилось. Она даже договорилась с домработницей, что та будет приходить раз в неделю вместо трех, как раньше. Одиночество стало слишком ценным, чтобы его нарушал посторонний человек, а быт свелся к минимуму: обслуживать лично себя было легко и нехлопотно.

Вика проводила время за чтением книжек и просмотром любимых фильмов. И даже вытащила из сундука — настоящего старинного сундука, еще прабабушкиного! — откопав под любимыми с детства зайчиками и мишками, свой дневник.

О нет, никаких девических секретов в нем не содержалось. Там были всего лишь наброски: ее мысли и разрозненные красивые фразы, которыми она пыталась передать свои впечатления о природе или людях.

Вика уж лет пять как ничего в дневник не писала. Бог весть почему. А вот сейчас вдруг хлынули потоком разные слова — смешные, красивые, иногда неуклюжие, иногда парадоксальные, иногда очень точные... И ей доставляло удовольствие переключать их на бумагу, перечитывать, править: *«...В воздухе неуловимо пахло весной. Она любила гулять в этот предвечерний час, когда фонари призрачны в сиянии заката. В такие минуты, на стыке дня и ночи, ей отчего-то становилось радостно и немного тревожно. Казалось, что все впереди...»*

Это была ее первая запись спустя пять лет. К ней вскоре добавилось описание Лешего: *«У него были подозрительно веселые, бесшабашные глаза. Наверное, уже уговорил бутылку с какой-нибудь бормотухой, и теперь ему и море по колено».*

Дальше она нарисовала весьма ехидные словесные портреты своих недавних поклонников, их жен, их дочерей на выданье и их самовлюбленных отпрысков — всю эту бизнес-шушеру, которая воспринимала саму себя с необычайной, патологической серьезностью.

Некоторое время спустя ей пришло в голову, что надо научиться работать на компьютере: в наше время уже не пишут от руки да на бумаге, в наше время идеи хранят на *электронных носителях* ! Она тут же записалась на какие-то курсы для «чайников» и так увлеклась, что накупила еще кучу книг и читала их с неменьшим интересом, чем детективы, тут же выполняя у экрана все инструкции, открывая и закрывая окошки, переставляя куски текста, стирая их и восстанавливая... Через каких-то пару недель она настолько овладела компьютерной премудростью, что могла бы уже сама вести курсы для «чайников».

Компьютер, хорошее кино, ее литературные экзерсисы — все это было настоящим, неподдельным, сущностным. И ей казалось, что больше она никогда не вернется в круг этих людей, насколько богатый, настолько и убогий...

И все же она в своем отшельничестве потихоньку заскучала. И решила вернуться в свет. Пусть и убогий, но другого у нее просто не имелось. В конце концов, она еще страниц пять украсит своими саркастическими заметками!

Решить-то она решила... Однако вышел полный облом.

«Света» больше не существовало, по крайней мере для нее. Телефон, столь шумный, столь ее

раздражавший совсем недавно, замолк. Умер. Скончался. Сдох.

Увлеченная своим временным отшельничеством, она неправильно истолковала его молчание. Она думала, что все любезно считались с ее желанием побыть в одиночестве.

Куда там! Она попыталась позвонить своим недавним поклонникам, но натолкнулась на прохладную реакцию и ссылки на занятость...

Наконец до Вики дошло, что ее просто-напросто вычеркнули из записных книжек! Мужской к себе интерес она сама перекрыла, как кран; в деловом же плане она не представляла для Мишиной тусовки никакого интереса... Она ведь теперь НИКТО! Мужнина жена, и та бывшая!..

Открытие ее никак не порадовало. Она даже поплакала дня три. А еще через неделю горьких и напряженных размышлений она пришла к решению. И оно сформировалось под боевые ноты «Интернационала»: кто был никем, тот станет всем!!!

А именно: Вика решила стать бизнес-дамой.

Глава 3

Вика совершенно не представляла, что оставил ей муж. Какие-то акции, какие-то пай, ценные бумаги, недвижимость... Все это было

китайской грамотой. Кроме того, Миша перевел на нее свою долю — пятьдесят один процент — в небольшой частной фирме. Вика посетила ее незадолго до его отъезда — муж представил новую владелицу, но чем там занимаются, она так и не поняла: тогда ей было без разницы, тогда она сгорала внутри атомного облака...

Кажется, это охранная фирма какая-то. Хотя никаких таких накачанных хлопцев она там не видела. Или охранники не должны быть накачанными? Или там вообще не охранники?

Она вдруг вспомнила, что муж оставил ей визитную карточку фирмы со словами: «Если будут трудности, звони туда. Леонид Ильич тебе поможет».

Хм, «Леонид Ильич»! Главное, легко запоминается... Она визитку поискала и нашла: фирма называлась... Нет, ну надо же, она называлась «Виктория»! И ниже мелким шрифтом: «Охрана вашего бизнеса».

Точно, там секьюрити работают! Телохранители и фирмохранители!

Впрочем, какая ей разница? Главное, что это *фирма*, а фирмы занимаются бизнесом, а бизнес приносит доходы. И, с учетом ее пая, она имеет право сунуть нос и выяснить, насколько хорошо поставлено там дело и насколько надежны ее доходы! А то и поруководить...

Ей примечталась картинка: вот она в кабинете, и секретарша приносит ей бумаги на подпись... Подпись у Вики красивая, затейливая, хоть будет, кому показать!

...Никогда в жизни Вика не работала. Вышла за Мишу еще студенткой, а он уже тогда крепенько встал на ноги — ведь он куда старше! Вика была убеждена, что вышла за него по любви, и быстрота, с которой она перестрадала свой развод, ее неприятно удивляла.

Впрочем, они прожили вместе пятнадцать лет, а с тех пор любовь превратилась в привычку. Так всегда бывает, верно?

И вообще, что такое любовь?..

Копаться в себе не хотелось. В конце концов, он ее бросил, а не она его! Променил ее, молодую-красивую, на какую-то американку своего возраста, с которой ему приспичило отдохнуть от трудов и от нее, от Вики!

Ну и пусть. Она в конечном итоге ничуть и не жалеет. И вообще, Миша прав: еще лет через десять он станет пожилым мужчиной, а она еще будет вполне свежей красавицей... Возможно, она бы тогда и сама от него ушла... Наверное, он это предвидел и решил расстаться с женой, чтобы оберечь себя от потрясений будущего!

Ну, конечно! Он прикинул все наперед и

решил, что с ровесницей ему будет куда спокойнее. Она уж его точно не бросит. Будет кому стакан воды подать в старости. Он правильно рассудил, Миша!

И теперь, когда Вика сама себе хозяйка, ей хочется чем-то заняться. Чем-то дельным. Она, между прочим, в институте торговли училась. Плохо училась, если честно, — трудно давалась ей наука коммерции, которую она от души ненавидела. Но время нынче такое, что надо в коммерции разбираться, а не в балете, вот она и пошла...

На самом деле все это неважно. Важно то, что у нее пятьдесят один процент. Она точно не знала, к чему прилагается этот процент: к деньгам? К акциям? Да какая разница! Значение имеет лишь то, что ее «кус» больше. У двух других пайщиков сорок девять процентов на двоих — значит, она главнее! Захочет вникать в дела фирмы — никто не посмеет ей перечить!

А хоть бы от скуки, она отчитываться никому не должна!

...И все же она робела. Сказались пятнадцать лет тепличной жизни, за которые ей не пришлось решать ни одной проблемы. Пятнадцать лет, в течение которых она существовала (без всякого самолюбия, вполне органично) как приложение к

своему супругу. Оказываемое ей внимание Вика никогда не анализировала, и никогда не приходило ей в голову, что она лишь аксессуар при Мише...

А сейчас ей предстоит общаться с мужчинами, которые в бизнесе собаку съели. И которые, вне сомнения, посоветуют ей вернуться домой и вышивать крестиком.

Или у страха глаза велики? Или она зря боится?

— Не зря, Викуся... — произнесла ее подруга Ната, усвоив постановку вопроса. — Мужики все сволочи. Они с тобой разговаривают так, как будто ты им принесла справку из психдиспансера о том, что у тебя дисфункция головного мозга.

— Неужто все?!

— Исключения составляют столь ничтожно малое количество, что его можно не учитывать.

— Так что же делать?

— Бросить эту затею, — сурово ответила Ната.

— Я помру со скуки!

— Не помрешь. Поезжай в Европу. Или на курорты какие, я тебе хороший тур подберу. Лето на носу, сейчас только по магазинам бегать да купальники выбирать. А ты дурью маешься: бизнес тебе занадобился!

— Ната, мне тридцать пять. Если я еще с

пяток лет по магазинам прошляюсь да на пляжах проваляюсь, то у меня точно случится дисфункция мозга!

— Решай на пляжах «Судоку», очень тренирует интеллект.

— Слушай... — В голове Вики вдруг блеснула догадка. — Ты просто... Ты считаешь, что я не смогу, да? Что я изнеженная дурочка... Всю жизнь под крылышком мужа... Да?

Ната была самой настоящей бизнес-дамой: лет десять тому назад она вместе с компаньоном создала туристическое агентство, которое расцветало из года в год под ее умелым руководством. Учительница математики, она страшно гордилась тем, что добилась всего сама, исключительно благодаря своему уму и организаторскому таланту. Ясно, что на Вику она смотрела снисходительно (или презрительно?), считая подругу недалекой, хоть и очаровательной иждивенкой...

Ната в ответ тонко улыбнулась:

— За дурочку, положим, я тебя не держу, но в бизнесе нужно иметь *знания* и *характер*. А у тебя, не обижайся, нет ни того, ни другого.

— Понятно.

Вика встала, давая понять, что дружеская беседа окончилась, и, холодно попрощавшись с подругой, ушла от нее злая-презлая.

«Характера у меня нет, ишь ты! — думала она, руля по Москве в сторону дома, на Сокол. — А у тебя он был, когда ты училкой в школе сидела да на директора мне жаловалась? И кто тебе посоветовал все бросить к чертям собачьим? Кто заставил тебя поверить, что с твоим умом и предприимчивостью ты вполне сумеешь заняться бизнесом? Да к тому же в тот удачный момент, когда рынок был еще относительно пуст? Разве тогда у тебя были знания? Нет, Ната, ты их эмпирическим путем наработала, то есть тыкаясь мордой то в одну проблему, то в другую!

И как легко ты забыла, что все твои трудности мы обсасывали вместе, а я для тебя еще и Мишу расспрашивала!.. А кто Мишу уговорил дать тебе в долг стартовую сумму? Ты ее вернула, Ната, ты порядочный человек, я в этом никогда не сомневалась, но моего недоверчивого супруга было нелегко уломать, и гарантом твоей честности была я... Эх, подружка, а ты меня за debilку держишь!

...Так всегда бывает: чуть чего человек достигнет, все заслуги приписывает себе, забыв напрочь своих благодетелей, — с горечью думала Вика, немного остыв. — Ну да ладно, Ната, не страшно. Мне твоя благодарность на фиг не нужна. И помощь тоже. Я найду сама, как подступиться к проблеме, найду, увидишь!»

Глава 4

Въезжая в свой квартал, Вика привычно проехала мимо мусорных баков, где тусовались бомжи. Они возлежали на травке и казались совершенно довольными жизнью.

Собственно, почему «казались»? Они и в самом деле чувствовали себя комфортно, полностью приспособившись к ситуации, которая со стороны кажется верхом отчаяния. Но они нашли способ не только выживать, но и радоваться! А их этому, между прочим, никто в школе не учил!

Вот так и она, Вика, станет постепенно вникать в незнакомый ей мир деловых отношений и цифр, постепенно все постигнет и однажды начнет чувствовать себя в нем комфортно. Справилась же она с компьютером!

...Видимо, она слишком долго смотрела на них, чем привлекла к себе внимание. Леший окликнул ее:

— Тебя угостить, мамзель? — Он продемонстрировал надломленный батон белого хлеба.

Вика хотела было отвернуться и дать газу, но ей вдруг стало неловко: раз бомж, так что ж теперь, и поговорить нельзя по-человечески? Тем более что вроде как знакомый: ведь он подносил ее сумки... Она улыбнулась Лешему, крикнула в окошко